

Наталья Нальянова

ГЕРА И МИРА

После крушения мы можем начать новую жизнь. Но надо сперва встать с колен и начать двигаться.

Наталья Нальянова

**Гера и Мира. После крушения
мы можем начать новую
жизнь. Но надо сперва встать
с колен и начать двигаться.**

«Издательские решения»

Нальянова Н.

Гера и Мира. После крушения мы можем начать новую жизнь. Но надо сперва встать с колен и начать двигаться. /
Н. Нальянова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745216-2

Лина живет одна. Из родных людей у нее осталась только Мира — жена ее умершего брата Германа, с которой отношения сложные. При этом некий гражданин оставляет Лине наследство. Кто этот человек? И почему такие странные условия получения наследства? Ей приходится поехать в Кавказск, чтобы разобраться в этом. Так она попадает в другой мир, узнает невероятные истории жизней своих предков. Что же изменяет её? Борьба за наследство? Чувство гордости предками? Общение с Мирой? Подумаем об этом вместе.

ISBN 978-5-44-745216-2

© Нальянова Н.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	9
III	12
IV	13
V	15
VI	20
VII	22
VIII	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Гера и Мира
После крушения мы можем начать
новую жизнь. Но надо сперва
встать с колен и начать двигаться.
Наталья Нальянова

© Наталья Нальянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Ключ от моего почтового ящика давно потерялся. Свою почту я забираю, поддев дверцу ящика ключом от квартиры.

Мне нечасто приходится это делать – только в тех случаях, когда из ящика торчат конверты. И появляется риск того, что рекламный мусор забил ящик полностью, интересующие меня сообщения легко могут сгинуть в его ворохе.

В этот раз из пачки цветных буклетов и флайеров торчат два конверта совсем не рекламного вида. В одном – письмо от Миры, в другом, адресованном К. Железкиной-Букаревой, – просьба связаться с юридической компанией «Лекс» по важному вопросу, а также визитная карточка на английском языке.

Мне неизвестно, кто такая К. Железкина-Букарева, но поскольку я практикующий юрист, предложение меня заинтересовало. Да и вообще, я Лина Букарева, нареченная при рождении претенциозным именем Капитолина. Но кто такая Железкина? От этой фамилии явно веет авантюрным духом, к которому я оказалась чувствительной.

Однако письмо Миры для меня важнее. Поэтому я должна прочесть его прежде, чем свяжусь с «Лексом».

Но я не могу вот так, сразу, взять и распечатать это письмо. Мне нужно собраться с силами.

Обычно я размышляю за раскладыванием пасьянсов. С годами в моем арсенале их скопилось множество. Сейчас я играю сама с собой, раскладывая пасьянс Маргариты Валуа.

Все знают это романтическое имя из истории французских королей. И оно придает пасьянсу определенный шарм, который дополняется остроумной комбинацией приемов раскладывания. Любителям известно, что пасьянс Маргариты Валуа сходится очень-очень редко. Последние недели он сходится у меня почти всегда.

Маленькие пластиковые карты с живописными рубашками привычно легко летают в моих руках. Выложив их должным образом рубашками вверх, я понимаю, что не могу сейчас открывать карты. Мне это не требуется. Сажусь в кресло-качалку и, медленно раскачиваясь, ухожу в мысли о Мире и Гере.

Гера – мой старший брат, которого больше нет. А Мира – его единственная и многолетняя жена.

Гера женился в начале семидесятых годов, когда ему было уже тридцать. Я тогда была ещё школьницей. У нас с ним разница в возрасте пятнадцать лет.

Мы все вместе жили с родителями, в их собственном доме. Гера пребывал дома мало, изредка приезжая из Москвы, где он учился в аспирантуре.

Гера занимался теоретическими вопросами термодинамики и физики атомного ядра.

Мира была его студенткой. На десять лет моложе Геры. И она была сиротой при живых родителях, которые расстались, разбросав четверых детей. И, создав другие семьи, нарожали себе новых чад.

Прошлые дети в новые условия не вписывались и были никому не нужны. Они разбрелись по свету в поисках своей доли счастья.

Мира выросла в семье у чужих людей, едва знакомых с ее родителями. Она умела хорошо стирать, быстро и ловко наводить чистоту, варить большие кастрюли борща и супа.

Но жила впроголодь, одевалась в обноски.

Закончив школу, поступила в политехнический институт на химико-технологический факультет и поселилась в общежитии.

Стипендии она не получала, училась плохо, на что жила – непонятно.

В те времена Мира была тотально некрасива, вызывала у меня жгучий интерес, приправленный острым желанием любить ее всем сердцем.

Теперь Мира живет в южном курортном городе в квартире с кондиционером, водит «Вольво» и руководит органом госконтроля.

А сиротой стала я. За прошедшие годы ушли из жизни Гера, мои родители, мой сын и муж. У меня осталась только Мира.

Я живу в сером среднерусском городе с холодным сырым климатом и плохой экологией.

И я одинока во всех смыслах этого слова. Но я сама сделала такой выбор.

В целом я весьма довольна своей жизнью. Нахожу ее захватывающе интересной, а в отдельные минуты – прекрасной. У меня есть все, что мне сейчас хотелось бы иметь.

Утрату близких я, кажется, приняла и простила своей судьбе. Горе ведь тоже учит чему-то.

Я лично узнала, что жизнь это краткий миг свободы. И что она очень быстро и безвозвратно пройдет, если не жить полностью.

И еще – теперь я от души восхищаюсь собой, несмотря на то, что это плохо вяжется с понятиями внутренней культуры и хорошего воспитания.

Но как же иначе?

Я рукотворно красива и здорова. Мне доступно замечать красоту и скрытое содержание жизненных событий. За исключением одного события – почему красивый и талантливый Гера женился на Мире?

То, что он продал свою диссертацию и спился, двадцать пять лет проработал то учителем, то завучем в ПТУ, в периоды ремиссии становился депутатом законодательного собрания и лауреатом государственных премий, то, что он был одаренным физиком, музыкантом, писателем, журналистом, но в последние годы выглядел как слабоумный и умер, не дожив века, страшной и мучительной смертью, связывается в моем сознании с Мирой.

Хотя я живу своей, отдельной жизнью, меня это все еще очень занимает.

Из письма Миры я узнаю, что погода у них стоит прекрасная, несмотря на конец октября – море солнца, тепла и света. Она носит крепдешиновые костюмы. В этом году невероятный урожай фруктов и овощей, все стоит копейки, бери – не хочу. Последние выходные она провела в горах под Новороссийском. А предпоследние – в Сочи, на берегу моря.

О том, как это было прекрасно, свидетельствуют фотографии, приложенные к письму. На них все та же маленькая кривоногая женщина невероятной полноты с лицом, собранным из чужеродных элементов и неубедительной прической из минимума волос.

Хорошие зубы, внушительная грудь, на которую в обычных магазинах не продают бюстгалтеров. Героически протаскав на себе эту тяжесть всю жизнь, Мира так закалилась духом, что теперь ей все нипочем, судя по широкой улыбке, ничуть не красящей её. Да, я злюсь на неё. И злословие позволяю себе, но мне это весьма неприятно.

Конечно же, я напишу ей ответ. Но не сразу, нет.

Перевернув карты рубашками вниз, убеждаюсь, что мой пасьянс в этот раз категорически не сойдется. Это меня радует. Известно, что у самой Маргариты Валуа этот пасьянс сошелся всего один раз – в ночь перед её смертью.

Включаю компьютер, посылаю сообщение по адресу электронной почты «Лекса» с объяснением, что письмо получено, но не Железкиной, а просто К. Букаревой.

Ответ приходит быстро. Заместитель директора компании Ю. П. Квашнин уведомляет о том, что меня разыскивает представитель американского адвоката по делу некоего гражданина США Конрада Железкина в связи с открытием наследства. И если мне нужна юридическая помощь, я могу воспользоваться услугами компании «Лекс», которая имеет большой опыт ведения наследственных дел, в том числе и с иностранным элементом.

Звоню Квашнину по телефону, номер которого указан в письме, чтобы задать тривиальный вопрос – при чем здесь я, если мне ничего не говорит фамилия наследодателя, а родственников за границей у меня нет, и никогда не было?

Ответ получаю простой и совершенно недвусмысленный – моё имя указано в завещании наследодателя Железкина К. З.

Квашнин добавляет, что если я согласна рассмотреть вопрос о принятии наследства, то в удобное для меня время могу встретиться с представителем поверенного, который прилетел сегодня из Москвы и остановился в гостинице «Волна». В конверте имеется визитная карточка этого лица.

Достаю маленький прямоугольник из матового пластика. На его обратной стороне текст написан по-русски: Сулим, Б. Д., помощник адвоката Айзека Брокли, Санта-Моника, США.

Хорошо, что не Санта-Барбара. В таком случае было бы совершенно ясно, что это чей-то дурацкий розыгрыш.

Ещё раз звоню Квашнину и сообщаю, что приму сегодня этого помощника адвоката в двадцать часов в своей домашней резиденции.

Квашнин смеется и спрашивает, нужно ли присутствие на переговорах представителя компании «Лекс».

Поясняю, что сегодня этого не требуется, а потом видно будет.

За два часа до появления гостя любая другая женщина бросилась бы наводить чистоту и прихорашиваться. Мне же этого совсем не требуется. В квартире у меня царит порядок, а внешне я в отличной форме.

Порядок я поддерживаю с помощью приходящей помощницы Гали, которая вполне довольна предложенными мной условиями и оплатой труда и выполняет свои обязанности на совесть.

Внешность моя – это результат особых и многолетних стараний.

С детства каждое утро я тридцать минут отвожу гимнастике. Комплексы упражнений у меня – само совершенство, включают атлетические упражнения, ушу и йогу.

Гимнастикой я серьезно увлекаюсь всю жизнь. И уже много лет просто наслаждаюсь своей отличной растяжкой, крепостью мышц, гибкостью позвоночника. Горжусь своим плоским животом, тонкой талией, стройными длинными ногами, ростом в сто семьдесят четыре сантиметра. И весьма уважаю себя за все это личное богатство.

Апофеоз моих достижений – лицо и волосы. Никакой пластики мне не требуется. Я выгляжу белокожей, с естественным румянцем, блондинкой. Волосы крашу французским красителем с оптическим эффектом.

У меня миловидные и неправильные черты лица.

В юности я по наивности считала себя дурнушкой. Сейчас мне нравится, что я ни на кого не похожа и лишена признаков своего возраста. При наличии вкуса и умении рисовать могу выглядеть редкостной красавицей.

Чтобы не эпатировать окружающих, я приглушаю свое обаяние с помощью дорогих очков. Они мне, кстати, очень идут. Поэтому у их снимаю только в ванной, в постели и во время занятий спортом.

В ожидании посетителя я проветриваю гостиную и ставлю на сервировочный столик минеральную воду и свежие соки. На блюде раскладываю очищенные ломтики ананаса, мандарины и виноград. Это моя пища для ужина. Вот такое я совершенство. И как же мне тошно от этого.

II

Он позвонил в дверь точно в назначенное время. Взглянув в дверной глазок, я увидела искаженную линзой физиономию высокого мужчины в очках.

В гостиной я разглядела его лучше. С трудом сдержала удивление. Была совершенно не готова к тому, что незнакомые люди могут так напоминать кого-то мне очень знакомого. И даже отчасти – меня.

На меня трудно быть похожим, потому что свою внешность я создала сама. Но так хорошо знакомая линия рта, подбородка и рисунок бровей меня привели в полное замешательство.

Когда же он улыбнулся, защемило сердце – на Геру он казался похожим еще больше, чем на меня. Даже очки в такой же оправе, какую носил Гера. Я невольно представила, что это и есть Гера и почувствовала, что теряю сознание.

Это длилось совсем недолго. Я умею владеть собой. На мой излишне пристальный взгляд он вежливо улыбнулся, и протянул руку. Я пожала её и представилась.

Пройдя в гостиную, он сел в кресло, щелкнул замками кейса, и вооружился бумагами.

Пошелестев ими, сказал, что состоятельный гражданин США, мистер Конрад Железкин, оставил завещание в пользу Капитолины Букаревой, если она сумеет достоверно доказать, что является потомком Железкиных, то есть праправнучкой Максима Железкина, родного дяди наследодателя.

Слушая его, я уверилась, что никогда раньше с моим гостем не встречалась, поскольку никогда не слышала такого специфического акцента.

По-русски он говорил плохо – слова произносил почти правильно, но лексикой пользовался необычной, ударения слов искажал, интонации использовал какие-то странные. Из-за этого его речь была малопонятной.

– У меня к вам несколько вопросов, – наконец-то начала деловой разговор я. – Первый вопрос: как этот Железкин вообще узнал о моем существовании?

– Он увидел вас по телевизору. Вы давали интервью о процессе по делу застройщика Михалевича, которое вы выиграли в Высшем Арбитражном Суде. А Конрад всегда любил смотреть спутниковое российское телевидение. Он был очень взволнован после просмотра этой телепередачи и сказал, что вы весьма напомнили ему его дядю Максима, которого он потерял в 1920 году, – с готовностью пояснил он.

– Господин Сулим, вы ничего не путаете? Так долго, чтобы помнить еще 1920 год, не живут.

– Называйте меня просто Борис, – попросил он, произнеся свое имя с ударением на первом слоге. – Конрад умер в возрасте 98 лет. И до самого конца сохранил ясный ум и отличную память. Кстати, его полное русское имя Кондрат Захарович Железкин.

Он помолчал, собираясь с мыслями, и продолжил:

– Так вот. По его воспоминаниям этот самый Максим, младший брат его отца, погиб в бою, когда сам Конрад был еще маленьким мальчиком. Но именно дядя Максим научил его джигитовке и обращению с шашкой. Отца Конрада звали Захаром, как вы поняли по отчеству наследодателя. – Слово «отчество» совсем не далось моему гостю, тем не менее, он бодро продолжал:

– Захар Железкин был бизнесменом и к казачьей воинской службе был равнодушен. Занимался хозяйством и мало уделял времени своему сыну, хотя и был с ним очень строг и требователен.

Борис замолчал и задумчиво смотрел на меня. И снова мне бросилось в глаза, что его лицо мне знакомо. Вероятно, он подбирал слова, чтобы правильнее выразиться по-русски. Наконец, он снова продолжил:

– Конрад велел своим юристам разыскать потомков Максима, а также его сына Григория, с которым Конрад тесно дружил в детстве, и полагал, что вы являетесь таковой. Он сделал данный вывод, руководствуясь вашим внешним сходством с его дядей. У вас удивительной формы брови, знаете ли. Поэтому мы начали поиски с родовой станицы Железкиных – Вишняковской. Нам ответили, что Букаревы в этой станице никогда не проживали. Тогда мы направили запрос в телекомпанию, которая выпустила в эфир передачу о вашем арбитражном процессе. И нам ответили, что госпожа Букарева проживает здесь, в этом городе. В органах регистрации места жительства мы узнали, что ваша добрачная фамилия Павлюк. Узнав об этом, Конрад даже заплакал и сказал, что это фамилия его тети Барбары, а точнее – Варвары, которая погибла совсем молодой в результате автокатастрофы. Он очень увлекся идеей поиска родственников. Мы снова обратились в Вишняковскую и узнали, что там проживало много поколений семьи Павлюк. Но в живых не осталось никого. Нам также сообщили, что лица по фамилии Павлюк проживают в районном центре – городе Кавказске. Мы обратились туда. И получили ответ, что кроме некой госпожи по имени Павлюк Мирослава других Павлюков в этом городе нет. По фотографии Конрад не признал в Мирославе родной крови, а точнее говоря – фамильного сходства. Потом уже мы узнали, что эта мадам является вдовой вашего брата, Германа Николаевича. Кроме того, длительное время в Кавказске проживал дедушка – ваш и Германа Николаевича – Григорий Максимович Павлюк, бывший прокурор. Он умер больше двадцати лет назад.

– Следующий вопрос, – продолжала я. – Что значит достоверно доказать свое родство с Железкиными?

– Мы будем удовлетворены, если будут представлены любые убедительные документы, – пояснил он. – А разве вас не интересует вопрос о размерах наследства?

– Какой смысл говорить об этом, если нет уверенности в том, что нужные доказательства существуют? – резонно заметила я.

– И все-таки размеры финального приза имеют значение мощного стимула для поиска, помогут принять решение о допустимых размерах расходов, которых потребуют экспедиции, – он снова улыбнулся Гериной улыбкой.

– Ну и сколько же стоит наследство в чистом виде? – не удержалась я.

– Не так много по американским меркам. После расчетов с кредиторами и уплаты налогов останется около двадцати шести с половиной миллионов долларов в инвестициях и чуть больше десяти миллионов в личном имуществе.

– А по нашим меркам это запредельная сумма. И я за нее хочу побороться, – подвела итог я. – Но как вы будете проверять достоверность собранных доказательств родства?

– Мистер Брокли, адвокат, практикующий в Санта-Монике, который ведет наследственные дела Конрада, решил, что по мере необходимости я буду приезжать в Россию и проверять факты на месте. Нас устроят официальные документы, а также другие доказательства, которые будут достоверными.

Обдумывая эти сведения, я приготовила кофе. Сервируя стол, я задала следующий вопрос, который возник по размышлению:

– А если я не смогу найти достоверных доказательств?

– Вы не получите наследства. Если других законных наследников не обнаружится, наследство перейдет русской казачьей общине. Так предусмотрено в завещании Конрада, – пояснил Борис.

– А какие еще у Кондрата Захаровича могут быть наследники – другие родственники? Жена? – интерес к этому делу уже захватил меня.

– Супруга Конрада давно умерла. Детей у них не было, – Борис говорил неохотно, но на вопросы отвечал.

– Значит, что же? Получается, других родственников нет?

– Считается, что нет. – Он отпивал кофе маленькими глотками, и невозможно было понять, нравится ли ему напиток.

Очевидно, он не замечал его вкуса, думая о другом.

Мы допили кофе, угостились фруктами, и Борис отбыл восвояси, оставив мне кучу визиток с его телефонами и адресами офисов в Москве, Женеве, Лос-Анджелесе и Санта-Монике.

Убрав со стола кофейную посуду, я минут двадцать покрутила на талии тяжелый обруч, обдумывая ситуацию.

О том, что моего прадеда звали Максимом, я знала. И он действительно жил в станице Вишняковской Краснодарского края. Но при чем тут какие-то Железкины? Никогда я не слышала такой фамилии. Значит, нужно искать.

Я решила поехать к Мире, с которой не встречалась много лет. Мира живет в моем родном городе Кавказске, который является центром того самого района, в котором находится станица Вишняковская.

Ещё в далеком детстве, в «домирины» времена, мама мне рассказывала, что ее свекор Григорий Максимович, мой дедушка, много лет проработал прокурором в Средней Азии.

Уйдя на пенсию, он стал сильно болеть, страдал от стенокардии так, что пяти шагов не мог пройти без сильной сердечной боли и одышки. Поэтому он уговорил свою жену переехать на родину. Верил, что кубанский климат излечит его.

Поселились они не в Вишняковской, а в районном центре Кавказске, где надеялись получить квартиру.

Но никаких квартир в Кавказске в то время не строилось и не предоставлялось даже отставным прокурорам.

Им пришлось продать из своего имущества все, что можно было, чтобы купить старый казачий дом. Этот дом впоследствии был капитально отремонтирован и перестроен, проведены газ, вода, электричество и телефон.

Их сын Николай, мой будущий отец, закончил училище гражданской авиации, и многие годы летал над Кубанью на гражданском рейсовом самолете. Получил квартиру и жил в Армавире, в шестидесяти километрах от Кавказска.

Но что я смогу отыскать там, если все мои родственники умерли и уже ничего не скажут мне о моем прадеде?

И ведь есть еще вопрос о Мире и Гере. Кажется, пришло время его решить раз и навсегда.

III

Отъезд для меня не составил проблемы. Мне довольно часто приходится уезжать в командировки.

Отпрашиваться ни у кого не надо, потому что я вольная птица. Работаю на себя и свое рабочее время устанавливаю сама.

Оставив Гале письменную инструкцию, я купила авиабилет до Минеральных Вод и через день уже спускалась с трапа самолета.

Меня поразил воздух кавказских предгорий, хотя не должен был поразить – ведь я в этих краях выросла и привыкла к нему с детских лет.

Но я так долго не видела своей родины, что забыла это ощущение, когда чистый, свежий, но теплый и ароматный воздух вливается в легкие и наполняет их силой и здоровьем.

Забыла я и непередаваемый запах этого воздуха, в котором смешиваются запахи лесов, покрывающих горы, степей, которые расстилаются у их подножий, и изысканно свежие ароматы голубых снегов и сияющих льдов, покрывающих дальние пики Кавказа.

Я сняла очки, которые потеряли прозрачность из-за слез счастья, полившихся из глаз. Мне почему-то не хотелось сдерживать эти слезы или прятать их от других людей.

Я вышла из здания аэропорта, поехала в город и целый час бродила по улицам Минвод.

Стоял октябрь. Листья уже пожелтели, но ещё не увяли. Много было зеленой травы, цветущих хризантем и поздних роз. И совершенно упоительным был запах сладкого созревшего винограда.

«Изабелла», – узнавая, шептала я.

Позвонив Мире, я узнала, что она в Ростове и не сможет меня встретить, а ключ от квартиры я могу взять у ее соседки.

Из окна автобуса были хорошо видны бескрайние поля в золоте скошенной пшеницы, либо засеянные травами. Были и пустующие, участки земли, от них веяло тоской «занехаянного» чернозема.

В лесополосах, тянувшихся вдоль широкой бетонки, трепетали на легком ветерке последние листья абрикосовых деревьев и пели птицы. Я совершенно забыла, зачем приехала сюда.

К действительности меня вернуло то, чего в прошлые времена здесь не было – посты на дорогах и обилие камуфляжной формы.

IV

В квартире у Миры царство чистоты и комфорта. Здесь нет никаких следов Геры и прошлой жизни. Все перестроено и заменено. Даже стены перенесены, другая планировка комнат.

Открыв огромный холодильник, я хотела поставить туда привезенные напитки и продукты. Места там не было совсем. По какой-то причине Мира покупала продукты оптом.

Одна морозильная камера была забита говяжьей вырезкой, другая – птицей и рыбой. В других отделениях стояли баночки, кастрюльки и пластиковые контейнеры с готовой пищей. Уха. Борщ. Окрошка. Жареные отбивные, карп, куриные бёдрышки; тушёная утка в ореховом соусе, картофельное пюре. Копченая скумбрия. Соленая форель. Квашеные капуста, баклажаны, перец. Морковь по-корейски, малосольные огурцы. Маринованные чеснок и помидоры. И море свежих овощей. На верхних полках – пиво в банках, пиво в бутылках, минеральная вода «Архыз в двухлитровых бутылках».

Придется поставить продукты в один из кухонных шкафов. Но – увы. Там места оказалось еще меньше. Сахар, мука, крупы, коробки с хлопьями злаков, мюсли, банки с медом, вареньем, закупоренные бутылки различного растительного масла, десятки банок консервов, бутылок вина, коньяка, фруктового уксуса. Коробки с сушеной курагой, изюмом, вишней и грушей, а также с ядрами грецкого ореха и миндаля.

Все это Мира. В её внешних проявлениях.

Приняв душ, я решила съездить туда, где жили мои родители – в старый родительский дом.

Он находится в другом конце города.

Грустно, что дом показался мне таким маленьким и старым, что я его не сразу узнала. Долго я смотрела на его окна, стены, крышу, в сад. Теперь это дом чужих людей.

Миниатюрная миловидная женщина со светлой косой вышла из ворот и доброжелательно спросила меня:

– Вы кого-то ищете?

– Ищу. Только не знаю, о чем спрашивать, – улыбнулась я.

– А вы не родственница Германа Николаевича? Похожи на него... – ее доброжелательное спокойствие очень располагало к ней.

– Я его сестра, – после паузы сказала я.

– Да неужто?! Вы – Лина Букарева? – женщина схватила меня за руку и прижала ее к груди. – Вы ведь не приезжали на похороны Германа Николаевича в прошлом году?

– Не приезжала. Мне сообщили, когда уже поздно было ехать. – Я опустила голову и замолчала. Проглотив комочек, продолжила:

– Вас, простите, как зовут? И почему вы так хорошо знаете и помните Геру? Он ведь многие годы жил по другому адресу, в своей квартире.

– Леной меня зовут. Петровичевой. Мы с ним вместе работали. Учительница математики я. Преподавала в ПТУ. А он там был завучем. Когда он избирался в депутаты, я была его помощником и доверенным лицом. Да, он в этом доме частенько проживал, когда Мира его выгоняла. Мы с ним были очень близкими людьми. Он мне очень нравился как человек. Поэтому после его смерти я у Миры купила этот дом. Она его продала на следующий день после похорон. Деньги нужны были на поминки и на памятник.

– И из-за чего же она его выгоняла? – заинтересовалась я.

– Он ей надоел. У них ведь ничего общего не было. – В ее глазах появилась боль. – Он запивал часто от неудовлетворенности жизнью.

– Интересно, что его держало возле Миры, в таком случае, – эти слова самовольно вырвались у меня, как внезапно вслух произнесенная мысль.

– У него собственного жилья не было. Этот дом и квартиру она оформила на свое имя. Он после смерти родителей все не мог успокоиться. Думал о бессмысленно прожитой жизни, о том, что утрачено все лучшее и ценное, что у него было. Запил надолго. Она его нашла, привезла домой и заставила согласиться на переоформление квартиры и дома. Угрожала, что по суду признает его недееспособным и запрет навсегда в больницу для душевнобольных. После этого он стал держаться, не пил три года. Но жил больше здесь, чем в квартире. Писал книги. Написал две: по образовательным программа ПТУ и об истории края. За первую ему была присуждена премия в области образования, а за вторую – премия Губернатора за заслуги по сохранению истории и традиций края. Он также получил звания заслуженного учителя, заслуженного гражданина города. Но это его совсем не интересовало. Он как-то не придавал этому значения.

Она вдруг спохватилась:

– А что это мы стоим здесь? Пойдемте в дом! – И мы прошли через знакомый мне двор в комнаты. Здесь все оставалось так, как было во времена моих родителей. На стенах висели их портреты, фотографии Геры и мои, детские и ранней юности. Улыбающийся отец в летнем шлеме. Мама в цветастом платье и ажурной шляпке из красной соломки.

Даже ковровое покрывало на большом кожаном диване было еще то, которое привезли бабушка и бабушка из Самарканда в 1953 году. Наша семейная реликвия. Мама его много раз реставрировала, и оно выглядело почти как новое. Над диваном висели старые фотографии: молодая бабушка с огромной дыней на плече и бабушка, верхом на верблюде.

– Вы любили Геру? – вдруг спросила я.

– Да, – кратко ответила она. – Пройдя в прихожую, она открыла крышку нашего старого погреба, оборудованного отцом. Там у него всегда хранились бочки с вином из винограда сорта «изабелла».

Прихватив эмалированный ковш, она спустилась вниз по лесенке и вскоре выбралась оттуда, осторожно неся полный ковш домашнего вина и еще арбуз подмышкой.

Арбуз оказался сочным и сахарным. Вино – ароматным, густым и сладким, оно искрилось рубиновыми бликами. Мы пили, не чокаясь бокалами. В память об ушедших.

– А как прошли похороны Геры? Много людей было? – спросила я.

– Удивительно много, – спокойно сказала она. – Весь город пришел. Мира была поражена. Она не ожидала, что Герман Николаевич еще нужен кому-то. Но он ведь обучил в училище много поколений наших земляков. И когда избирался в депутаты, без всякого пиара набрал девяносто три процента голосов.

Мы допоздна засиделись с ней во дворе под виноградом.

Прощаясь, договорились съездить вместе на кладбище, на Герину могилу.

Вечером я шла пешком по тихим улочкам, прижимая к себе книгу Геры, подаренную мне Леной. К моему основному вопросу о том, почему Гера женился на Мире, прибавился еще один – почему же он жил с ней столько лет? Не из-за жилья же...

Найду ли я ответы на эти вопросы?

V

Близилась полночь, а я все еще сидела на лавочке возле Мириного подъезда. Южные звезды кажутся ближе и больше. Потому, что небо чистое, без смога.

Тишина стояла удивительная. Ее почти не нарушило появление серебристого джипа, который резво залетел во двор. Он остановился возле скамейки, и я увидела Миру, вываливающуюся из машины. Ну, вот, теперь у нее джип, большой и внушительный, как раз для такой женщины.

Она бросилась мне навстречу, весело хохоча и благоухая французскими духами, крепко обняла и поцеловала.

– Чего сидим, как чужие? Домой, домой, мыться, ужинать, говорить...

Мира очень быстро двигается, несмотря на полноту. Катается, как шар на бильярде. Она стала еще полнее, но энергии у нее не убавилось.

Буквально за минуты она включила сплит-систему, набрала в ванну воды, поставила таймер на подогрев мяса, нарезала козьего сыру и намыла свежей зелени, уже облаченная в необъятную бирюзовую пижаму с короткими брюками.

Запах кинзы и чеснока защекотал ноздри.

Я стала помогать Мира накрывать стол. Поставила приборы, а также привезенные с собой морские коктейли, голландский гранатовый сок, французский сыр, швейцарский шоколад.

– А ты плохо выглядишь, знаешь? – вдруг сказала она. – Постарела, устала. Ты все еще одна?

– Ну, уж, извини, – пришла в себя я. – Кто из нас больше постарел – это еще вопрос.

Мира рассмеялась и добавила:

– А чем у тебя голова забита? Всё ещё витаешь в облаках? Как ты вообще живёшь?

– Живу отменно. Успешна во всем – в делах, в быту. А одна я потому, что так мне хочется.

– Да не лги мне! – снова засмеялась она. – Какая баба не хочет большой и чистой любви?!

– Баба может и хочет. А я просто женщина. И у меня уже была большая и чистая любовь.

Штучная вещь, знаешь ли. И после нее совсем не тянет на мелкий размен.

– Линуська, я ведь шучу. А ты ведёшься на это. Ты всегда была доверчивой. Не понимаю, как ты с арбитражными и гражданскими процессами управляешься?

– А что ты во мне понимаешь? – Дело в том, что за многие совместно прожитые годы мы с ней ни разу не поссорились. Как это меня угораздило так? Я разглядывала ее так, как будто видела впервые.

Возле меня крутилась и вилась как-будто совсем незнакомая мне женщина. Когда она, наконец, шлёпнулась на табурет, я стала внимательно разглядывать ее лицо.

– Ну, что ты смотришь так, – ласково и спокойно сказала она, – наливая коньяк в маленькие бокалы. – Не смотри. Я некрасивая, толстая, злая и противная особа. В отличие от других Павлюков, хай им земля будет пухом. Тебя я уже не считаю Павлючкой. Ты – Букарева. Вот, давай и выпьем за твой приезд на родину. – Она подняла бокал и, кивнув мне, ловко выплеснула его содержимое себе в рот. Поставив бокал, она тут же наполнила его снова, долив заодно и в мой.

Коньяк у нее был отменный, французский «Мартель». – Она энергично захрумкала молодой редиской, заедая ее жареным мясом. А я угостилась козьим сыром, зеленью и квашеным баклажаном.

Против ее аргумента о собственной некрасивости мне нечего было возразить. Тут уж, как Бог дал, говорят. Однако же, она мне уже не казалась такой некрасивой, как раньше. Я разглядела, что у нее гладкая смуглая кожа. Темные, маленькие, но живые и блестящие глаза. Ресниц почти нет, но скулы хороши. Овал лица приятный. Высокий лоб, правда, изрытый ста-

рым шрамом. Волосы темные, растут ото лба «домиком» и плохо лежат, но блестят здоровым блеском. Роскошные полные губы, белые зубы, передние с маленькой щербинкой. Смотрится забавно.

Трудно принять её нос. От переносицы он замышлялся как греческий, но оказался слишком широк для такого лица, и сначала огорчился горбинкой, а потом внезапно оправился и вскинулся ввысь тонким курносым кончиком. Интересное лицо.

Далее дело обстояло хуже. Шеи, можно сказать, что нет. Плечи очень широки и полны, огромная грудь. Формы тела, присущей женщине, не было изначально. У нее узкие бедра и короткие ноги.

Но ведь в целом такие кондиции у нее появились в пятьдесят лет. Я, конечно, помню ее после свадьбы с Герой. Но теперь мне не хочется руководствоваться только своими воспоминаниями.

– Слушай, Мира, а покажи-ка ты мне свои фотографии. У тебя, наверно, много новых фото появилось, – попросила я. – Да и старые захвати.

Альбомы появились на столе моментально. Я начала с самого старого. Герины фото я пролистывала, мне тяжело было смотреть на них.

Студентка Мира на фото выглядела круглощекой, улыбчивой, с ямочками на щеках. Вот она улыбается, в окружении молодых людей. Узкие и короткие юбки открывают ножки без икр с широкими коленями и тонкими щиколотками. Высоченные «шпильки». Рядом с ней много парней – смеются, спорят, слушают лекцию.

Вдруг я увидела старую фотографию Зоси, девушки, с которой Гера встречался еще до Миры, когда преподавал в политехе.

Помнится, Зося подарила ее Гере, когда приезжала к нам в гости.

На фотографии Зося смотрелась совершенством. И почему Мира ее хранит у себя?

– А что эта фотография делает здесь? – говоря это, я вытащила Зосино фото из пластикового кармашка.

– Гера держал ее в своих бумагах, вот я и вставила. А какое это имеет значение?

– Отдай её мне! – настаивала я, отбирая у нее фотографию. Отняв, порвала на мелкие клочки и выбросила в мусорное ведро.

Мира засмеялась:

– Моралистка ты наша! Сколько у тебя тараканов в голове!

– А у тебя одни обиды в голове, это просто отравка! – вырвалось у меня.

Она обняла меня и заплакала.

– За что люблю тебя: ты внимательная и добрая. С детства была такой. Я больше не знаю таких людей, как ты! – я опешила, а она заголосила дурным голосом:

– И зачем я только осталась в этом Задрипанске! Меня ведь в Москву на работу приглашали! В Министерство! А теперь мне приходится аж в Ростове работать, за триста километров от дома! Здесь ведь никакой работы с приличной оплатой не найти!

– Переезжай в Ростов, раз это так важно для тебя, – посоветовала я.

Рыдания усилились:

– Дак ведь Герка-то здесь лежит! – она завывала и стала сморкаться, вытираясь кухонным полотенцем ослепительной чистоты. – Не зная, как её успокоить, я не нашла ничего лучшего, чем отвлечь её расспросами:

– А почему ты отказалась от работы в Москве? Это ведь при жизни Геры было?

Прорывавшись, она умылась и через минуту снова была уже в полном порядке.

– Как я могла бросить его здесь? Он такой слабак был! И такой наивный! Его любой дурак обжулить мог! Да и больной он уже давно был Диабет.

– А если бы вы вместе в Москву переехали? Он ведь там тоже бы нашёл работу, и постепенно вы бы обжились. – Такой вариант мне показался идеальным для разрешения проблемы.

– Ну, что ты! О чем ты говоришь? Он и слушать об этом не хотел. У него ведь тут больные родители оставались! Он их не мог бросить. Хотя ухаживала за ними больше я. Раз в неделю всегда приезжала, делала уборку в доме и во дворе, привозила им готовой еды на неделю. Он же только разговаривал с ними, часто по телефону звонил, а то и оставался ночевать у них. —

В этот момент я подумала о себе, что я не такая внимательная и добрая, как полагает Мира. Мне-то эти проблемы Геры были совершенно неизвестны. И домой я приезжала нечасто. Жила далеко, мы с мужем часто переезжали с места на место, и своей семьей я была поглощена полностью, о родителях заботилась мало. Тяжело вздохнув, я продолжила разговор:

– А теперь расскажи мне, как и где ты работаешь, – попросила я.

– Работаю начальником отдела в территориальном управлении госконтроля за техническими измерениями. Точность весов и других измерительных приборов проверяю, езжу по всему округу. Дома почти не бываю. Завтра должна быть в Ейске. Надо выезжать в три утра. И потом я всю неделю не смогу попасть домой. Новороссийск, Анапа, Адлер, Белореченск, Тимашевск. Тебя не увижу. Ты хоть на сколько приехала? – разговоры ничуть не мешали ей наполнять бокалы.

– Настолько, насколько надо будет. Думаю, нескоро уеду.

– Ура! – она снова обняла меня и стала целовать. – Чем собираешься заниматься? Лечиться в нашем санатории будешь?

– Нет. У меня есть другое дело. Ты мне вот что скажи. К тебе обращались какие-нибудь люди, разыскивающие Павлюков?

– Звонил какой-то мужик, спрашивал, кого еще из Павлюков я знаю и где они проживают. Набывался в гости. Я его не приняла. Но это было уже почти полгода назад. А что такое?

– Они меня тоже нашли. Говорят, что какой-то американец оставил мне наследство. Но надо доказать, что я в родстве с теми Павлюками, которые проживали когда-то в Вишняковке. – Мне не хотелось рассказывать Мире подробности.

– С ума сойти! Получишь наследство, уедешь за границу. Возьми и меня с собой! – вдруг попросила она.

– Да куда я не уеду! И вряд ли докажу то, что им требуется. – Чувство досады против воли поднималось во мне.

Её глаза еще больше заблестели.

– Моя помощь нужна? Ты только скажи. И вообще бери и пользуйся здесь всем, что тебе нужно. Кстати, у меня ведь есть мотоцикл. Возле входной двери висят ключи от гаража, который за домом. Номер гаража 127.

– А он в нормальном состоянии? И какой мотоцикл? – оживилась я.

– «Хонда», конечно! Зверь, а не машина, – засмеялась она. – Это был вначале Герин мотоцикл. А потом, когда он уже не мог на нем ездить, мы купили машину, но мотоцикл сохранили. Герка не соглашался его продавать. Я на нем иногда в горы гоняла.

– Вот сумасшедшая! Это ведь опасно и так эпатажно. – В ответ она захохотала.

– Это как? Эпа... что? – я заметила, что она еле ворочает языком и губами. Пьяна, так как выпила всю бутылку коньяка.

– Ложись немедленно в постель. Надо поспать перед дорогой. – Я сняла её руки со своей шеи и подняла на ноги со стула. – Как ты после «Мартеля» машину поведешь за столько километров? Немедленно в постель!

– А я очень быстро езжу. Летаю, – смеялась она.

– Долетаешься с такими подходами. Давай-ка ложись отдыхать.

Мира постелила мне в своей спальне на мягкой арабской кровати, включила на нужный режим кондиционер и улеглась в гостиной на диване.

Я захватила с собой в спальню альбомы с фотографиями. Приготовившись ко сну, разложила их на белом шёлковом одеяле.

Гера. Вот он сфотографирован в первом классе – серый школьный костюмчик, нарядная белая рубашка, красиво уложенные выющиеся русые волосы, тонкое лицо и задумчивые глаза, еще без очков.

А вот фотографии его выпускного класса. Гера стоит рядом с самой красивой девочкой в классе. Это Марианна Филь. Модельная внешность и мечтательные глаза.

Студенческие фотографии. У Геры уже золотая грива кудрявых волос, которые нimbом встают над его высоким лбом. Взгляд отрешённый, наверно, в мыслях Гера витает где-то в дебрях термодинамики. Лучший студент курса, надежда факультета. По чаяниям нашего отца – будущий ученый. На другой фотографии он сфотографирован во время выполнения стойки на гимнастических брусьях. Хороший рост, отличная мускулатура.

Но больше всех мне нравится другая фотография. На ней он в сером коротком плаще, узких брючках. Светлый берет элегантно сдвинут на одну сторону. Тот же сосредоточенный взгляд мыслителя, милые круглые очёчки, в руке пара толстых книг по физике. Такая же фотография есть и у меня дома.

Отдельная страница его жизни – музыка. Гера умел играть на всех музыкальных инструментах. На фото он запечатлен играющим на рояле, саксофоне, аккордеоне, электрогитаре. Умел сыграть всё, любую мелодию от венгерского чардаша до музыки из «Мужчины и женщины» или «Шербурских зонтиков».

Гера умел обучать людей исполнять музыку. Он постоянно был руководителем и солистом какого-нибудь очередного созданного им ансамбля. Благодаря ему, я хорошо играю на аккордеоне и прилично пою.

У Геры было еще одно увлечение – карты. Покер, бридж, преферанс и многие другие игры. Он был регулярным участником и победителем неофициальных общевузовских и общегородских «чемпионатов». Помнил все карты в колоде – где и как лежат, легко определял, что у кого на руках.

Кумир у Геры был только один, зато постоянный – Альберт Эйнштейн.

Гера сделал меня тем, что я есть. Когда я была в третьем классе школы, он задавал мне задачки типа: одна котлета жарится на сковородке пятнадцать минут; сколько будут жариться четыре котлеты? И научил находить правильные ответы на нестандартные вопросы.

Благодаря ему, я узнала о себе, что умею думать. Мне стало невероятно легко учиться в школе. Окончив ее с медалью, я без труда прошла по конкурсу на юридический факультет МГУ и окончила его с отличием.

Когда он еще учился в Москве, привозил мне книги С. Моэма, Э. Хэмингуэя, Ирвина Шоу. В другие годы – «Занимательную психологию» Фионы Фрезер и многие другие. И говорил: вот, прочти, это все думающие люди читают. От последовавшей за этим любви к англо-американской литературе у меня осталось отличное знание английского языка.

Волна ужаса от мысли, что я никогда-никогда больше не увижу этого дорогого мне человека, не услышу его голоса, не спрошу его о важном, накрыла меня. Я забыла, что мне уже немало лет, а Гере было на пятнадцать лет больше, когда он умер, что я уже давно живу своей жизнью, отдельно от семьи Павлюков.

Какое это имеет значение? Его ведь нет. Нет и никогда не будет!

«-Какая я квашня и плакса!» – ругала я себя. – «Эк, меня размазало!»

Я вышла из спальни, чтобы смыть соль с лица, и, тихо прикрывая дверь в ванную, услышала жалобные всхлипывания, которые доносились из гостиной.

– Мира, а почему ты не сообщила мне вовремя о смерти Геры? – тихо спросила я.

Ответа не было. И когда я уже закрывала дверь в спальню, из гостиной послышался усталый Мирин голос:

– Как я могла видеть тебя, смотреть тебе в глаза при том, что случилось? Ты ведь считаешь, что Гера пропал по моей вине. Так думали его родители, особенно мать. Так же думаешь и ты.

Я не стала спорить и легла в постель.

Когда я встала на следующее утро с постели, Миры уже не было. Я не слышала, как она собралась и уехала в три часа утра.

Увидев, что она захватила с собой морские коктейли в вакуумной упаковке, которые я привезла ей, я обрадовалась.

Убирая постель, я обнаружила за маленькой белой ширмой велотренажер.

«Однако!», – удивилась я. Быстро покончив с уборкой, я покрутила педали и почувствовала, что мое тело расслабилось. Согрелись мышцы, быстрее побежала кровь, лицо разрумянилось.

Приняв душ, пришла в хорошее расположение духа и снова задумалась о своих вопросах, связанных с наследством Кондрата Железкина. В зеркале увидела, что улыбаюсь. Вся эта история снова показалась мне совсем уж невероятной.

После завтрака я разложила пасьянс Маргариты Валуа. Трижды. И ни разу он не сошёлся. Это обнадежило.

Перебравшись на лоджию в поэнг, я взялась за чтение Гериной книги.

VI

Книга оказалась интересной. Читалась легко и приятно. Но уносила меня совсем в другие времена и к историям, которые не имели никакого отношения к моим вопросам.

Зарождение города Кавказска. Первые поселенцы. Казаки и иногородние. Множество историй о жизни казачества. Участие жителей города в войнах. Революция и гражданская война – раскол общества на красных и белых. Кровавый поход Кавказского полка на Армавир. Гитлеровская оккупация с 1942 по 1944 год. Герои подполья. Восстановление хозяйства после Великой Отечественной войны. Расцвет социализма. Борьба с коррупцией. Медуновское дело. Закат социализма. Передел собственности под названием приватизация.

Почитав книгу с часик, я решила, что дочитаю позже, и просто пролистала её до конца в поисках фотографий.

Фотографий оказалось много, в том числе и старинных. Мелким курсивом были набраны пояснения к ним.

Виды Кавказска 18 века, а точнее хутора Казачий Стан, как он в то время назывался. Фото с рисунка неизвестного художника. Много старинных фотографий усатых мужчин в казачьей форме с шашками и пиками, пеших и конных, а также женщин в старинных костюмах. Некоторые фотографии сохранились плохо. Изображение было нечётким, на них как-будто шёл снег.

На одной такой фотографии были запечатлены два статных молодых казака, стоящих за старинным резным креслом, в котором сидит красивая девушка в белом кружевном палантине. Пышные вьющиеся темные волосы собраны в высокую причёску, темные выразительные глаза насмешливо смотрят в объектив.

Подпись говорит о том, что это Захар, Максим и Варвара Павлюк, дети супружеской четы Тараса и Марии Павлюк, принадлежавшей к казачьему роду на Кубани.

Максим – это мой прадед. Захар Павлюк – его старший брат. Про Варвару Павлюк мне ничего не известно. Кроме того, что она была родной сестрой Захара и Максима.

Внимательно изучаю подписи под остальными фотографиями. Ничего, что может пролить свет на родственные связи Павлюков с Железкиными, не нахожу. За исключением одной фотографии.

На ней изображен маленький мальчик в шароварах, глубоких калошках, светлой рубашке навыпуск и лохматой кубанской шапке, сдвинутой на затылок. Он сидит на руках у женщины с белокурыми кудрями, вьющимися вокруг приятного лица. Длинные и густые волосы собраны в пучок. Она сидит на скамеечке возле плетня с торжественным и напряженным лицом.

Подпись под фотографией говорит, что это Катерина, жена Максима Павлюка, с сыном Гришей. Подпись отсылает к примечаниям, составленным автором к одной из глав книги.

Гриша Павлюк – это мой будущий дедушка, который потом стал прокурором. Помню его уже совсем пожилым. Он каждый год к первому мая угощал меня клубникой из своего сада. А на девятое мая приносил первую дыню, выращенную в парнике. Это были маленькие желтые дыньки, очень душистые и сладкие.

Нахожу примечание к названной главе. В нем кратко и убедительно рассказывается об истории семейства Павлюк. Узнаю следующее:

Захар и Максим Павлюки были братьями и идейными противниками. Захар, женатый на богатой казачке Полине Калединовой, получил за женой в приданое дом под железной крышей в центре станицы Вишняковской, лошадей, быков и овец, а также денежный капитал, на который приобрел лавку, то бишь, магазин.

Максим женился против воли родителей на иногородней, то есть, не казачке, а «москальке» Катерине Мезенцевой. И в приданое не получил ничего. Он не получил и разрешения казачьего круга на постройку дома на казачьих улицах и должен был строить жилье на высел-

ках, где проживала пришедшая беднота. Клочок пахотной земли он получил от отца, который не принял невестку, но все же не бросил сына на произвол судьбы.

Максим имел звание унтер-офицера казачьего полка. Захар не служил по нездоровью.

После революции Максим стал командиром красного кавалерийского полка, который формировался в предгорных станицах Кубани. А Захар в 1923 году уехал вместе с семьей в Стамбул, прихватив с собой и сестру Варвару.

В 1920 году во время похода на Армавир полк, которым командовал Максим Павлюк, разгромило кавалерийское соединение генерала Шкуро, которое совершало рейд в обход Красной армии.

Командир полка был убит одним из первых. Деникинская контрразведка захватила документы Максима Павлюка, и после взятия Кавказска белые расправились с его семьей.

Катерину выгнали в одной рубашке на снег, пороли, а потом зарубили шашками на глазах у станичников. Хата была сожжена. Двое детей, которые прятались в погребе, сгорели заживо. А третий – Гриша, убежал во двор дома дяди Захара и спрятался в хлеву.

Дядя Захар принял его в свою семью, но вначале надолго отправил в горы, на реку Пшиш, где паслись его табуны лошадей и отары овец.

Мальчик полностью отрабатывал свой хлеб – пас коней, овец, быков, убирал за свиньями в хлеву. Но в школу его дядя зимой отпускал, вместе с сыном Кондратом. Мальчишки были одноклассниками и дружили, несмотря на разность судеб.

Когда семья собралась уезжать, Кондрат уговаривал Гришу уехать вместе с ними. Но Гриша остался в России. После отъезда семьи дяди он заседлал старого мерина, брошенного за непригодностью для хозяйства, простился с соседями, выехал на тракт, ведущий в Екатеринодар, и исчез на долгие годы.

Поскольку автор книги является потомком Григория Павлюка, его внуком, он сообщал в примечании о том, что стало ему известно из рассказов дедушки.

Гриша Павлюк попал в детский дом в городе Ленинграде. Вырос и поступил в юридический институт. Вступил в партию. Получил распределение в прокуратуру СССР и был направлен на работу в Узбекистан. На этом книжная история Павлюков заканчивалась.

Захлопнув книгу, ответа на вопрос о том, кто же такие Железкины, я так и не нашла. Можно предположить, что Захар, приехав в другое государство, взял себе такую фамилию. Но в таком случае, я никак не могу считаться Железкой. Ко мне она не имеет никакого отношения. Мои предки носили фамилию Павлюк. Почему же Кондрат в своем завещании соединил эту фамилию с моей? И вообще тот ли это Кондрат? Может быть, он просто тёзка двоюродного брата моего дедушки?

VII

К дому Лены я ехала на маленьком маршрутном такси. На такой же машине мы отправились с ней на кладбище.

На могиле у Геры стоял мраморный памятник – маленькая светло-серая стела с указанием фамилии, имени-отчества, даты рождения и смерти Геры. Надгробие было миниатюрным, покрытым искусственными цветами. Портрета умершего не было. Я положила на надгробие белые розы и присела на корточки.

Скамьи, столика и ограды также не было. Наверно Мира не хочет, чтобы здесь засиживались чужие, смотрели на Геру, вспоминали его добрым словом. Памятник без портрета выглядел необычно безликим.

Хорошо, что я выплакалась вчера вечером. Иначе мне пришлось бы это делать при Лене, которая принялась убирать мусор с надгробия и вырывать траву, бурно пробивающуюся отовсюду. Она не хотела, чтобы я видела, как слезинки бегут у нее по щекам. Целомудрие чувств. Это мне очень понятно.

Она молча собрала разложенные мной белые розы и поставила их в банку с водой, которую извлекла из-за надгробия.

Мы сели поодаль, на скамейку возле соседней могилы. Лена расстелила полотенце, выложила бутерброды, бутылку вина, два пластмассовых стакана. Пакет с печеньем и конфетами она положила на надгробие. Для бедных, которые придут сюда после нас.

– Знаете, Герман Николаевич был таким человеком, про которого вспоминается только хорошее. Он был, в первую очередь, очень добрым. А потом, фантастически честным и порядочным. Мне вспоминается, как в годы дефицита продуктов повар в столовой ПТУ предложила ему взять домой мороженую курицу. Он был так возмущен, что даже не мог объяснить ей толком, почему отказывается. Только придя в учительскую, он, пылая щеками, рассказал мне об этом. По его понятиям брать казенное имущество в любой форме – низость и гадство. Мира его ругала за это и считала полным дураком, хотя он всегда очень хорошо зарабатывал, и она могла купить себе все, что ей хотелось. Его главным источником существования было репетиторство. Он готовил выпускников школ в лучшие вузы страны. Его ученики всегда поступали в институты и университеты в Москве и Ленинграде. Писали ему письма, приходили в гости, когда приезжали сюда. Если бы он считал нужным, у него могли быть огромные связи. За долгие годы почти все его ученики сделали блестящую карьеру, получили высокие должности. Но он не нуждался в связях. Давайте помянем его и выпьем, пусть земля ему будет пухом и вечная ему память. – Она наполнила стаканы вином, и мы выпили.

– Лена, я очень Геру любила. Мне больно, что он так несчастливо жил с Мирой. А почему он не ушел от неё? Ведь отсутствие своего жилья не является неразрешимой проблемой. Тем более, у него были вы, – после долгой паузы спросила я.

– Сейчас мне уже совершенно понятно, что он не хотел уходить от Миры. Его устраивало по какой-то причине, что он может пожить некоторое время в родительском доме, отдельно от неё, а потом вернуться к ней. – Она задумалась и по её лицу разлилась печаль. – Что-то держало его возле нее. В этом есть нечто непонятное. Он рассказывал мне, что когда-то она была безумно влюблена в него, смотрела на него сияющими глазами. Как-то после вечеринки у друзей он, не совсем трезвый, дал ей уговорить себя пойти ночевать к ней в общежитие. Её соседки по комнате разъехались домой на праздник. И они были в комнате одни. Он толком и не помнил, что было в ту ночь. Два месяца спустя Мира остановила его в коридоре института и сказала, что им надо поговорить. И объявила, что беременна от него, и хочет родить. За несколько месяцев перед этим он расстался со своей девушкой, в которую был влюблен. И ему тогда было безразлично, на ком жениться. Родители просили его определиться. Мама

боялась, что он пропадет, «сгуляется» без семьи, как она говорила. Они с Николаем Григорьевичем не понимали, почему он так долго не женится. И он сделал Мире предложение. Сыграли студенческую свадьбу. А потом он сообщил родителям, что привезет к ним молодую жену. Позже выяснилось, что Мира не беременна. А через несколько лет стало очевидным, что и не сможет забеременеть. История довольно простая. – Мы долго молчали. Потом я сказала:

– А я помню, что примерно через полгода после свадьбы Гера стал выгонять Миру. Она тогда уже жила у наших родителей. Перевелась на заочное отделение и устроилась на работу. наших родителей их ссоры очень огорчали. К тому же отец привязался к Мире. Ему очень нравилось, что она трудолюбивая, быстрая и услужливая. Так хорошо ухаживала за ним, готовила ему блинчики с мясом, которые он очень любил. Он очень жалел её за то, что она выросла в тяжелых условиях. И ругал Геру за скандалы. Я, кстати, тогда тоже была на Мириной стороне. Но наша мама невзлюбила свою невестку с первого взгляда и навсегда. Однако же Гера никогда не рассказывал о том, как Мира его обманула с беременностью. Он не стал с ней разводиться, а просто уехал в Москву. Его не было целый год. А потом он вернулся, уже согласный на то, чтобы жить с Мирой. – Я не стала рассказывать о том, что в это время его готовая диссертация уже была продана, а деньги потрачены на выпивку. Он приехал заросший и сказал, что вернулся насовсем.

У Миры тем временем хорошо складывалась карьера. Она стала начальником отдела в управлении химического завода. И вскоре им на семью выделили двухкомнатную квартиру, чему Мира была несказанно рада.

А я в это время уже училась в Москве и дома не жила. Поэтому только в общих чертах знаю, как складывалась последующая жизнь Геры. Знаю, что он не мог долго продержаться ни на одной должности. Без конца менял работу. И только в ПТУ остался надолго.

Лена, оказалось, тоже помнила те времена.

– Он появился у нас в училище в тот год, когда я пришла туда работать после института, – снова вступила в разговор моя собеседница. – Директор училища очень ценил его ум и знания. Когда Герман Николаевич не являлся на работу из-за выпивки, он его покрывал. —

Подумав над этим, я заметила:

– Но ведь не сразу же он стал зависимым от алкоголя человеком! Пока катился вниз, мог начать жизнь с другой женщиной, которая бы, возможно, остановила его падение. – Лена согласно кивнула головой и заметила:

– Он всегда безумно нравился женщинам. За ним ухаживали многие, питали надежды. – Она грустно улыбнулась и продолжила.

– А я влюбилась в него с первого взгляда. Но он видел во мне только друга.

– Мне просто необходимо узнать, почему же Гера прожил столько лет с Мирой, не развёлся с ней. Но уже солнце садится. Давайте двигаться в город, – предложила я.

– Вы остановились у Миры? Переезжайте ко мне, – предложила Лена.

– Это невозможно. В таком случае я точно не узнаю ответов на заданные вопросы. Но я к вам, наверно, еще загляну не раз.

– А вы звоните, если что-нибудь надо будет, – предложила она, и записав на мобильный мой номер, позвонила мне, чтобы я сохранила в памяти своего телефона её номер.

Расстались мы с ней с сожалением. Когда она меня обняла на прощание, я заметила, что забыла надеть очки. Оказывается, они мне больше не нужны.

Кажется, на один вопрос ответ мне известен: Гера женился на Мире потому, что поверил в то, что она ждет от него ребенка.

VIII

В Мириной квартире я приняла душ и достала карты, чтобы разложить пасьянс. Перетасовав их хорошенько, я задержала маленькую колоду в руке, задумавшись о своих делах. А потом отложила карты в сторону, поняв, что сейчас мне больше нужен компьютер.

Включив его, я отправила на адрес электронной почты адвоката Айзека Брокли письмо на английском языке.

«Уважаемый мистер Брокли, – написала я, – у меня вызывает тревогу внешнее сходство мистера Сулима с моим братом Германом Николаевичем. В связи с этим я прошу Вас принять следующие меры:

Отстранить его от работы по наследственному делу К. Железкина, не объясняя действительных причин.

Незамедлительно собрать сведения о сестре Захара Железкина Барбаре (Варваре) Павлюк, которая погибла в автокатастрофе через несколько лет после переезда семьи в США.

Сведения можете представить в электронном виде. С юридической компанией «Лекс» я не заключила договора, поэтому она не представляет моих интересов ни по каким вопросам, являясь в данном деле посторонним лицом.

Как Вы понимаете, у меня имеются основания подозревать, что мистер Сулим может являться потомком Варвары Павлюк и потому претендентом на наследство в случае, если я его по какой-либо причине не получу. Такой причиной, среди прочих, может стать и моя насильственная смерть. А посему я не желаю больше видеть мистера Сулима в нашей стране. Искренне Ваша, К. Букарева».

Следующим моим обдуманым шагом будет поездка в станицу Вишняковскую.

Порывшись в Интернете, я нашла карту Краснодарского края и распечатала её фрагмент на Мирином цветном принтере.

Изучив карту, узнала, что станица Вишняковская находится всего-то в двадцати с небольшим километрах от Кавказска.

Для езды на мотоцикле мне понадобится джинсовый костюм. Мой черный с белыми пятнами костюм фирмы «Рэнглер». Любимая моя вещь. Для лета он подходит как нельзя лучше.

Слегка подгладив его, я облачилась в облегающие джинсы с ремнем, короткую курточку и полюбовалась собой в большом зеркале.

Разложив по карманам необходимые вещи, деньги и документы, я взяла висящий на двери ключ и пошла в гараж.

Герин мотоцикл был просто мечтой. Точнее, мечтой моего детства. Именно в те времена Гера начал увлекаться мотоциклами и возил меня с собой на заднем сиденье. На юге мотоцикл можно использовать круглый год,

Никакие машины не дают такого упоения быстрой ездой, как мотоцикл. Сидя за спиной у Геры, крепко обхватив его, я отдавалась полету. Это чувство возникает, когда мотоцикл быстро набирает скорость, а ваши волосы начинают трепетать на ветру. Скорость я очень любила, за что отец лишил меня права ездить на им же подаренном мне мотороллере.

Но когда мы уезжали на Герином мотоцикле из города, я часто садилась за руль, пока Гера где-нибудь возле пруда оснащал и забрасывал удочки на карпа.

В гараже у Миры стоял не мотоцикл, а просто красавец: мощный, но легкий и удобный, он легко поддавался моей власти. Выкатив его на солнышко, я проверила, как работает двигатель. Открыв крышку бензобака, долила туда бензина из канистры.

Шлем с маской и перчатки оказались черного с красными вставками цвета. Замкнув гараж, я облачилась в это одеяние, с чувством удовольствия. Из города я мчалась в сторону гор уже с чувством полного восторга.

Я ведь не громоздкая и нескладная Мира. Поэтому встречных я не эпатировала. Вряд ли даже кто-то из них понял, что я женщина.

Мой путь пролегал в сторону Кавказского заповедника, куда вела отличная бетонка. Красота ландшафта была неповторимой оттого, что дороги были практически пустыми. В отсутствие людей горы кажутся гораздо красивее.

Но горы еще оставались в отдалении, когда я достигла указателя «Станица Вишняковская» и съехала с многополосной автострады. Еще пара километров и я на месте.

Въехав на центральную площадь станицы, я направилась к зданию администрации, которое безошибочно угадывалось издали. Все здания, где располагаются власть предержащие лица, отличает заметное стилистическое единство. Имея опыт хождения по таким инстанциям, я даже в Африке, наверно, смогу легко найти хозяев территории.

Сняв шлем, я включила сигнализацию, и вошла в помещение.

Время послеобеденное – сиеста, так сказать. Никто из начальства не вышел при моем появлении. По унылому стуку клавиш печатающего устройства я определила комнату, где еще оставалась жизнь. Открыв дверь, я увидела юное создание, которое неумелыми пальчиками осваивало высокий стиль делового письма.

– Привет, – тепло улыбнулась я. – Хочешь на мотоцикле покататься?

– Хочу. Но с вами не поеду, – создание держалось непреклонно. – Я вас совсем не знаю!

– А я тебе паспорт покажу. И удостоверение. Я адвокат. Приехала в ваш город по делу. –

Краткость выражений хороша с такими индивидуумами.

– По какому делу? – заинтересовалась она.

– По наследственному, – ответила я.

– И кто же наследники? – она уже бросила печатать и повернулась ко мне.

– А вот я и пытаюсь это определить. Для этого мне нужно найти дом, где жили Павлюки.

– Кто? – переспросила она.

– Семья по фамилии Павлюк, – доходчивее изложила задачу я.

– Да они тут при царе Горохе жили. Какой-то Павлюк похоронен в нашем парке. А больше тут никого таких нет.

– Ну, тогда давай вместе съездим в парк, – предложила я.

Создание зашло веселым смехом:

– У нас тут не Манхэттен. Всё рядом. Вон парк, его из окна видно.

– Тем лучше. Значит, поездка на мотоцикле откладывается на неопределённый срок.

Благодарю за внимание. – Я закрыла дверь и сбежала вниз по ступенькам. Поход во власть удался.

Когда я отъезжала от здания, мельком заметила, что создание вышло на крыльцо проводить меня любопытным взглядом.

Вход в парк располагался рядом с неким историко-культурным памятником. В этом старинном двухэтажном здании, отдающем духом классицизма, располагалась библиотека. Помимо этого, там были Интернет-кафе и «Все услуги связи», о чем сообщали рекламные щиты.

Войдя в помещение библиотеки, я прошла по пустым комнатам в поисках работников. На мои настойчивые призывы откликнулась бабуся в очках и с седым пучком волос на затылке.

На бэйдже, прикрепленном к ее белой шелковой блузе, было написано, что она библиотекарь и зовут её Калединова Матильда Ивановна.

– Матильда Ивановна, может быть, вы мне расскажете что-нибудь о Павлюках? – поздоровавшись, попросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.